

Бикернице Анна

Bikerniece Anna

аспирант факультета международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университетаPhD student, School of International Relations,
St. Petersburg State University**ЭВОЛЮЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
КАК СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУКТА ЕС****THE EVOLUTION OF
EUROPEAN POLITICAL IDENTITY
AS A SOCIAL CONSTRUCT OF THE EU****Аннотация:**

Статья посвящена концепции политической идентичности в целом и европейской идее в частности. Автор ставит своей целью рассмотреть понятие идентичности и проследить эволюцию формирования различных аспектов идентичности в Европейском союзе, используя результаты опросов «Евробарометра». В статье проанализирован теоретический аспект идентичности – определены материальная и нематериальная составляющие как важные аспекты для формирования позитивной идентичности. Рассмотрен процесс эволюции представлений об идентичности в Европейском союзе. Ключевым источником информации для анализа служит статистика «Евробарометра» за 2003–2017 гг. Объект исследования – европейское общество, мнения граждан Европейского союза, полученные в ходе опросов общественного мнения. Предмет исследования – наднациональная европейская политическая идентичность как социальный конструкт Европейского союза и механизмы ее формирования. Статья показывает, как разные аспекты идентичности могут служить интегративным и дезинтегративным процессам. Используются методы статистического анализа и сравнительный анализ показателей эволюции идентичности в Европейском союзе в рамках конструктивного подхода к понятию «идентичность». На основании проведенного исследования выведена формула устойчивой идентичности, она применена к анализу категорий европейской идеи по результатам опросов «Евробарометра». Автор делает вывод, что европейское общество все больше стремится к использованию «материальной» составляющей идентичности и отходит от размытых идей и ценностей.

Ключевые слова:

Европейский союз, политическая идентичность, европейская идея, социальный конструкт, «Евробарометр», опросы общественного мнения, интеграция, дезинтеграция, кризис идентичности.

Summary:

The paper deals with the concept of political identity in general and the European idea in particular. The author examines the notion of identity and investigates the evolution of the various aspects of identity in the European Union using Eurobarometer surveys. The research analyzes the theoretical base for identity explaining material and ideational components of the notion which are the key to create the positive identity. Besides, the author presents the evolving ideas about identity in the EU by means of Eurobarometer statistics collected in 2003–2017. The research considers the European society, the opinions of European Union citizens based on the Eurobarometer data. The scope of the study is represented by the supranational European political identity as a social construct of the EU and the mechanisms of its creation. The paper demonstrates how different aspects of identity can lead to integrative and disintegrative processes. The statistical and comparative analysis of the evolution of identity in the EU is applied as a part of a constructive approach to the concept of identity. A formula of sustainable identity is the main research result. It is applied to analyze the European idea according to the EU Public Opinion Surveys. The author concludes that modern European society strives for the material aspect of identity and avoids the ideational one.

Keywords:

European Union, political identity, European idea, social construct, Eurobarometer, public opinion survey, integration, disintegration, identity crisis.

Современный Европейский союз переживает множество кризисов. Один из них – кризис идентичности, или европейской идеи. С самого начала своего существования ЕС (а до этого – ЕЭС) ставил своей задачей распространение общих европейских ценностей на территории всех стран – участниц союза. Это во многом должно было способствовать построению общей идентичности государств в составе организации и обеспечить их сплочение. Вопрос европейской идентичности (идентичности Европейского союза) затрагивается многими отечественными и зарубежными специалистами. В основной работе посвящены выявлению факторов, влияющих на идентичность. Многие исследователи отмечают негативный эффект евро и Шенгенского соглашения на формирование общей идеи ЕС.

Среди недавних зарубежных исследований, посвященных данной теме, следует отметить статьи Т. Борзель и Т. Риссе «От кризиса евро к кризису Шенгена: теории европейской интеграции, политизация и политика в сфере идентичности» [1] и Ф. Ла Барбера, В. Капоне «Пять измерений европейской идентичности» [2]. Также внимания заслуживает статья С. Верхейгена,

М. Хуга «Ведет ли большее знание о ЕС к более сильной европейской идентичности?» [3], которая определяет соотношение знания и идентичности (или самоопределения). Европейские авторы ставят перед собой цель ответить на вопрос, насколько успешна европейская политическая идентичность и как можно помочь гражданам ЕС почувствовать себя больше «европейцами»?

В свою очередь многие работы российских экспертов посвящены узким темам, связанным с идентичностью, – отдельным странам или проблематике. Такими работами являются, например, статьи Г.И. Вайнштейна «Европейская идентичность: желаемое и реальное» [4], Л.А. Фадеевой «Проблема идентичности в сравнительной политологии» [5], Н.В. Ереминой и Ю.А. Борисовской «Кризис европейской идентичности и BREXIT» [6] или А.С. Гусева «Европейская идентичность: современные российские исследования» [7]. Почти все отечественные исследователи отмечают проблематичность определения идентичности. Тем не менее многие подходят к политической идентичности с конструктивистских позиций. Как отмечает Л.А. Фадеева, «конструктивистский подход доминирует в анализе и исследованиях европейской идентичности, которая рассматривается как многоуровневый, многоаспектный феномен, формируемый целенаправленно изначально» [8, с. 137]. Хотя несомненно, что для определения идентичности следует также помнить и о других «традиционных подходах» к изучению идентичности – примордиализме и инструментализме [9, с. 94]. Также несомненна ценность статистического анализа для данной статьи. Как отмечает А.Ю. Саломатин, «безусловно важно то, что у исследователей-европеистов есть такой ценный источник, как сборник опросов общественного мнения “Евробарометр”» [10, с. 115]. Именно «Евробарометр» позволяет, хоть и с определенной долей критики, проследить эволюцию в представлении европейцев о Европе и о самих себе.

Многообразие стран в составе ЕС и иммиграционный фактор

На 2018 г. в состав ЕС входит 28 стран [11]. Еще 5 стран носят статус «кандидаты на вступление» в ЕС [12], т. е. готовятся к вступлению, хотя Турция является скорее исключением в данном списке.

В 1992 г. Маастрихтский договор преобразил Европейское экономическое сообщество в современный Европейский союз. Вместе с этим появились единые флаг, гимн и девиз, а также появился новый праздник – День Европы. Все это было призвано воплотить «европейскую идею». До этого свое реальное воплощение получили такие ценности, как свобода передвижения (Шенгенские соглашения), свобода на труд в других странах. Когда ЕС приобрел свой современный официальный статус, 12 стран действительно разделяли, пусть и не в полной мере, идеи единой Европы. Это было преимуществом, которое воспринималось как должное. Но это же стало и проблемой для дальнейшей жизнедеятельности организации.

Во-первых, с 1992 г. не была выработана жесткая политика по унификации европейской идеи. Европейские ценности были настолько «очевидны» для участников, что никто не поставил вопрос об их легализации. А вопрос конституции был снят сам собой в начале нового тысячелетия, после провала референдумов во Франции и Нидерландах в 2005 г. [13]. И было решено сделать вид, что общие идеи и так разделяются всеми. Поэтому критерии вступления новых стран ограничились критериями политического и экономического характера, а положения для стран-участниц были представлены в многочисленных декларациях и заявлениях, которые даже не имели обязательного характера.

Во-вторых, структуры ЕС изначально рассчитывали на расширение, но при этом считали, что новые страны по умолчанию примут ценности и идеи организации. А потому акцент был сделан на повсеместное использование символических атрибутов вроде флага и гимна ЕС. Однако новые страны по-разному понимают ценности Европы, и в итоге получается замкнутый круг, когда европейские ценности едины для всех стран Европы, но понимаются этими странами по-разному, т. е. не являются едиными.

Наконец, эта система работала бы, если бы в политическом и экономическом аспектах деятельности все было стабильно, поскольку именно они формируют базу взаимоотношений. Однако с наступившим экономическим кризисом пришел кризис политический, а с ним обострились межнациональные различия стран. В итоге сработало правило «чем больше стран в организации, тем больше дисбаланс, тем больше недовольство, которое сказывается на дивергентности отдельных членов группы».

К нестабильности, возникшей внутри организации, добавился внешний фактор иммиграции, который обострил политические взаимоотношения и усилил давление на экономическую систему.

За последние годы приток иммигрантов стабильно высок. В 2015 г. в ЕС прибыло 2,7 млн иммигрантов из стран за пределами ЕС [14]. В то время как в 2013 г. это было лишь 1,3 млн иммигрантов [15]. Если не брать в расчет влияние стран-членов на экономику, которое явно присутствует, а также на обострение политической ситуации, то остается фактор социальный. С одной стороны, он порождает политический кризис, а с другой стороны, влияет на социальную стабильность и защищенность населения стран ЕС. Население ЕС начинает воспринимать себя как жертву несправедливой деятельности структур ЕС, которые позволяют иммигрантам прибывать без

конца в страны-члены, а также наделяют их несоразмерными полномочиями, не говоря уже о безопасности, для которой иммигранты воспринимаются как угроза. В итоге общая европейская политическая идентичность, проявляющаяся в европейских ценностях, становится скорее дезинтегрирующим фактором.

Идентичность как конструкт и как общественное благо. Математическая формула эффективности идентичности ($I = iP + mP$)

Политическая идентичность имеет двоякую природу. С одной стороны, это социально обусловленный конструкт, с другой стороны, этот конструкт определяет восприятие социума и реальности. Иными словами, идентичность создана обществом и является результатом восприятия общества. Но в этот процесс (само)познания вторгаются инородные элементы.

О.В. Попова определяет политическую идентичность следующим образом: «под политической самоидентификацией в самом общем смысле понимают становление представлений индивида о себе и своем месте в мире, об отношении с собственной статусной и референтной группами» [16]. Если представить идентичность как конструкт, то необходимо также отметить, что это постоянно изменяемый конструкт, который наделен своими функциями и обусловлен взаимоотношениями элементов. Как отмечает Г.С. Климова, «интеракция и коммуникативный дискурс обладают высоким потенциалом с точки зрения формирования национальной идентичности, поскольку создают знаковое поле, культурные маркеры на уровне самого общества и индивидов, в него входящих» [17].

Традиционное определение идентичности Г. Тэджфелом подразумевает сочетание двух элементов: когнитивного компонента и чувства группы [18, р. 2]. Однако идентичность можно также рассматривать как общественное благо. Для этого следует выделить несколько критериев:

- идентичность присуща группе;
- может быть сконструирована (накоплена) и деконструирована (утрачена);
- носит материальный и нематериальный характер.

Если отталкиваться от такого определения идентичности, то можно сделать несколько интересных замечаний о том, что касается европейской идеи. Согласно теории групп Олсона, чем больше группа, тем сложнее распределять общественное благо. Иными словами, чем больше Европейский союз, тем тяжелее поддерживать общую идею, которая бы всех объединяла. Это выражается как в сложностях с принятием идеологических аспектов идентичности, так и в поддержании равенства в использовании материального проявления идентичности. Только если материальная выгода будет превосходить страх перед издержками, граждане Европейского союза будут стремиться к консолидации общей европейской идентичности.

Согласно Олсону, «если при покупке определенного количества коллективного блага выгода группы превосходит издержки в большей мере, чем она превосходит выгоду отдельного индивида, тогда существует основание полагать, что коллективное благо будет обеспечено и выгода индивида превысит общие издержки, связанные с добыванием коллективного блага» [19]. В случае Европейского союза речь идет о странах, население которых чувствует, что получает гораздо меньше в материальном плане, чем отдает, а идеологический аспект не покрывает издержек. Эту формулировку можно описать следующим уравнением:

Уравнение	Лучший сценарий	Худший сценарий
$I = iP + mP$	$iP \leq mP$	$iP > mP$

Идентичность (I) – это сумма идеологического аспекта (iP) и материального аспекта (mP). Идеологический аспект представляет собой сумму представлений индивидуумов или группы об идентичности и воплощается в таких нематериальных установках, как флаг, гимн или девиз Европейского союза. Материальный аспект включает в себя все то, что получают индивиды или группа в случае разделения идентичности. Так, в случае Европейского союза – это права и полномочия граждан Европейского союза, а также паспорт (ID card) гражданина ЕС.

Когда идеологический и материальный аспекты равны друг другу или когда материальный аспект преобладает, индивидуумы или группа склонны гораздо в большей степени к принятию надличностной и наднациональной идентичности. Однако, если идеологический аспект преобладает, индивидуум или группа не видят смысла в поддержании этой идентичности. И тогда наднациональная идентичность уступает место национальной или локальной идентичности.

Более того, поскольку политическая идентичность – это еще и постоянно изменяемый конструкт или процесс, необходимо постоянное поддержание и обновление как идеологического, так и материального аспекта.

В Европейском союзе идеологическая составляющая преобладает в конструкции общей европейской идеи, по крайней мере, на уровне населения. Провозглашались ни к чему не обязывающие ценности ЕС, активно использовались такие атрибуты, как флаг, девиз и гимн. Но с материальной точки зрения граждане ЕС имеют меньше, чем граждане национальных государств. Это

понятно, национальные государства не желают расставаться со своей прерогативой в формировании личности своих граждан. В итоге граждане ЕС обладают такими правами, как свобода передвижения, свобода на труд, имеют карту (паспорт) гражданина ЕС. Но в конечном счете эти материальные воплощения идентичности начали отступать перед теми проблемами, которые принес Европейский союз. Как следствие, структуры ЕС столкнулись с кризисом идентичности.

Изменение общественного мнения в ЕС (2003–2017)

По задумке создателей европейского сообщества, европейская культура, историческое единство и стремление избежать последующих конфликтов стало ведущей идеей для объединения стран. Однако если на первом этапе объединения эти три составляющие носили объединяющий характер, то к началу XXI в. не все страны в одинаковой степени принимали их.

Как следствие, в начале нового тысячелетия возникла необходимость обозначить, какие ценности объединяют Европу и какие из этих ценностей разделяют граждане Европейского союза. Исследование 2007 г. показало, что для Европейского союза в целом характерна приверженность таким ценностям, как права человека, демократия, мир, верховенство закона, уважение других культур, солидарность и поддержка других; в меньшей степени равенство, уважение человеческой жизни, толерантность, личная свобода, самореализация и религия [20]. При этом, как показал опрос, для отдельных граждан Европейского союза иерархия ценностей выстраивается несколько в ином порядке. В первую очередь европейцы выделяют такие ценности, как мир, уважение человеческой жизни, права человека, демократия индивидуальные свободы, толерантность, равенство и верховенство закона, и в меньшей степени такие, как солидарность и поддержка других, самореализация, уважение других культур и религия [21]. Стоит отметить, что все ценности, перечисленные выше, воспринимаются гражданами ЕС более лично и близко, чем на уровне ЕС.

При этом, по мнению граждан Европейского союза, такие конструкты, как культура, экономика и история, в первую очередь участвуют в создании чувства единства среди граждан Европейского союза [22]. Что важно отметить, составляющие, конструирующие общую идентичность, меняют свою пропорцию в структуре. Данные Евробарометра это подтверждают. Если в 2007 г. для граждан ЕС первостепенную роль в объединении стран играли экономика и культура [23], то в 2017 г. экономика занимает даже не второстепенное, а уже четвертое место после культуры, истории, общих ценностей, наравне со спортом (см. рис. 1–3), которому в европейской идентичности также отводится значительное место. Тем не менее нельзя говорить о том, что экономика не существенна для формирования идентичности. Если социальная группа сталкивается с кризисом экономики, то, как в случае ЕС, экономика будет терять свои позиции в качестве интегрирующего механизма, люди будут обращаться к другим ценностям, чтобы поддержать «дух единства». Тем не менее если экономика возвращается к стабильности, то будет наблюдаться процесс стагнации в восстановлении статуса лидера интеграции. Это связано с тем, что замещающие ценности уже заняли свою нишу и успехи экономики начинают восприниматься как должное.

Составляющие чувства принадлежности к ЕС

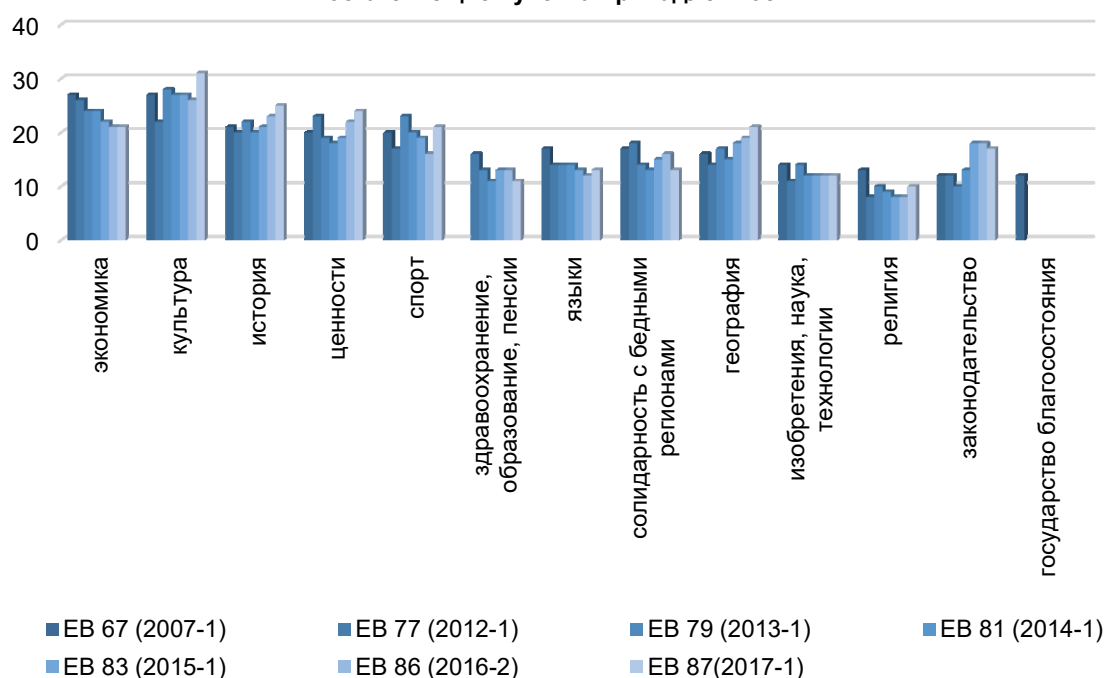

Рисунок 1 – «Стандартный Евробарометр» в 2007–2017 гг.

Эволюция составляющих чувства принадлежности к Европейскому союзу [24]

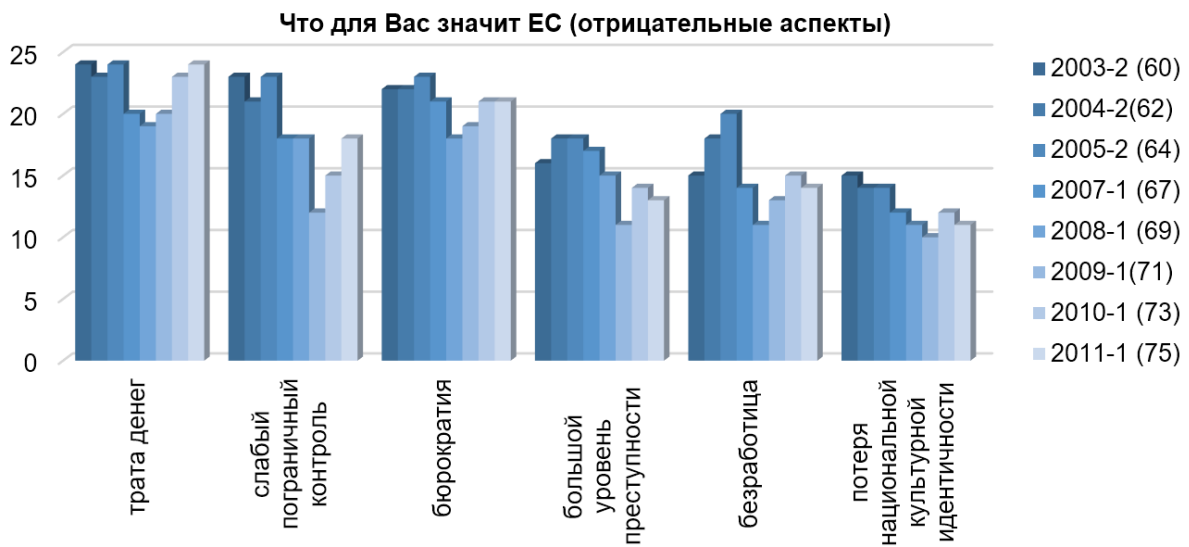
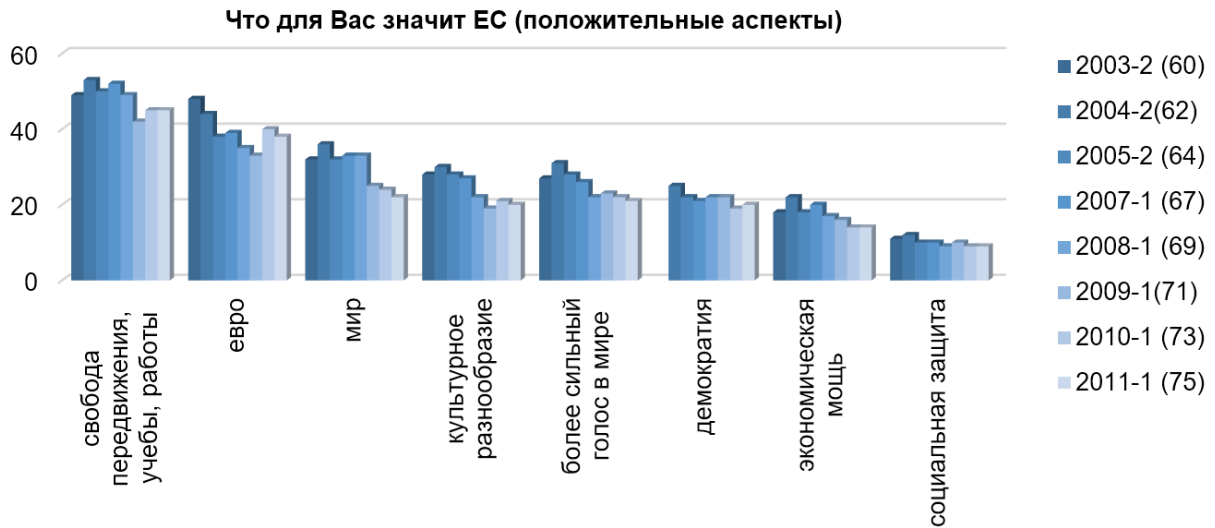

Рисунок 2 – «Стандартный Евробарометр» в 2003–2011 гг. Представление граждан Европейского союза о позитивных и отрицательных сторонах ЕС [25]

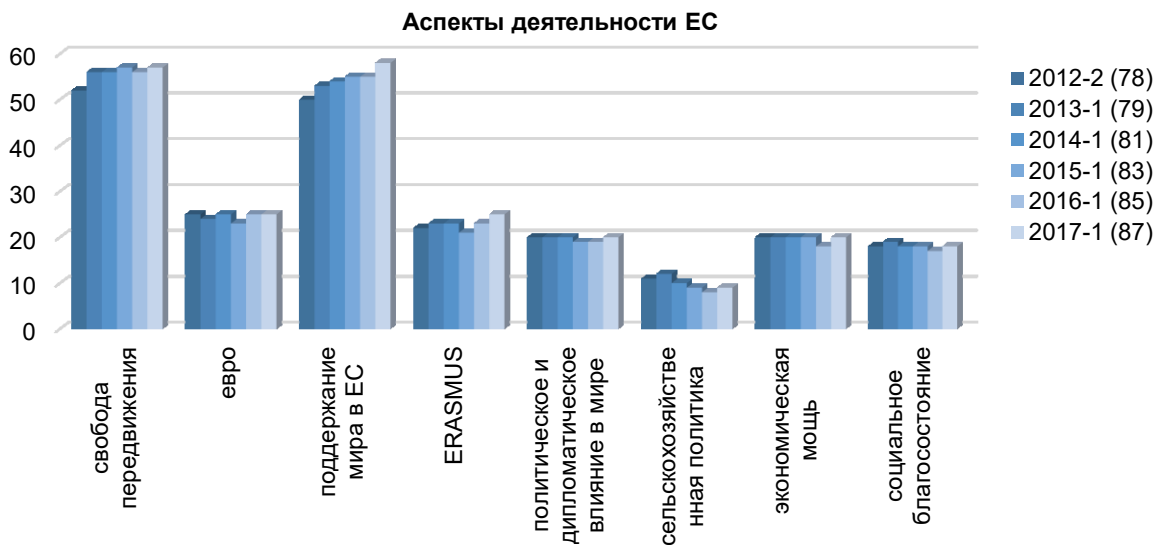

Рисунок 3 – Изменение формулировки в «Стандартном Евробарометре» в 2011 г. Что из указанного Вы считаете самым положительным результатом деятельности ЕС? [26]

Итак, нематериальное представление об идентичности играет существенную роль в формировании общей идеи Европейского союза, однако, как было сказано выше, материальная составляющая, т. е. то, что индивиды «примегают» на себя и на свою жизнь, имеет большее значение. «Евробарометр» выделил некоторые критерии, которые можно считать «материальной» составляющей европейской идеи. В первую очередь к позитивным сторонам деятельности ЕС были отнесены свобода передвижения людей, товаров и услуг, евро, поддержание мира, культурное разнообразие, а также голос на мировой арене, демократия, экономическое благополучие и социальная защищенность [27]. В категорию отрицательной деятельности попали растрата денег, недостаточный контроль границ, бюрократия, большая преступность, безработица, потеря национальной идентичности [28]. Далекое не все из этого можно считать материальным воплощением европейской идеи, и это показали результаты опроса. Вполне реальными результатами деятельности ЕС, которые положительно или отрицательно влияют на формирование идентичности, можно считать те, которые получили больше всего внимания опрошенных. К этой категории относятся: из положительных – свобода передвижения, евро, из отрицательных – излишние затраты, недостаточный контроль границ и бюрократия.

Если в первые годы опросов (2003–2008) такие нематериальные ценности, как мир, культурное разнообразие и демократия, имели вес в формировании общей идеи, то с наступлением кризиса люди стали уделять больше внимания чисто материальной составляющей ЕС, с которой они сталкиваются в своей повседневной жизни. С наступлением нового десятилетия XXI в. люди остались верны вновь выбранному курсу, отдавая предпочтение материальной составляющей европейской идентичности. Вместе с тем все большее внимание к дезинтегрирующим факторам отрицательно сказывалось на опросах. Это стало одной из возможных причин изменения формулировки вопроса в 2012 г. [29]. Из него исчезло упоминание критических моментов, а также сам вопрос стал звучать как «Что из указанного Вы считаете самым положительным результатом деятельности ЕС?» [30]. Более того, были добавлены некоторые новые категории в большей степени материального характера (см. рис. 3). В конечном счете человек мог выбрать из категорий: свобода передвижения и работы в других странах ЕС, мир между странами членами ЕС, евро, программа студенческого обмена ERASMUS, политическое и дипломатическое влияние в мире, экономическая мощь, уровень социального обеспечения, единая сельскохозяйственная политика. С такой постановкой вопроса и вариантами ответа люди стали отдавать предпочтение традиционно свободе перемещения, но также миру между странами ЕС. При этом евро (на фоне кризиса еврозоны) отошел на второй план. Здесь следует отметить, что для общества ЕС второго десятилетия XXI в. безопасность начинает играть значимую роль наряду со свободой передвижения.

Таким образом, можно наблюдать переход от провозглашения верховенства нематериальных ценностей в структуре формирования общей идеи Европейского союза к приоритету материальных, осязаемых в повседневной жизни ценностей, к которым в первую очередь относятся свобода передвижения и безопасность. На фоне угроз, вставших перед ЕС в последние годы (терроризм, плохо контролируемая иммиграция, экономическая нестабильность), люди хотят видеть в ЕС стабильного защитника их интересов.

Эти выводы можно увидеть и в исследовании для Комитета по культуре и образованию ЕС. Более сильный акцент в нем стал ставиться на материальную составляющую идентичности, которая должна воплощаться в жизни посредством признания идентичности не только как культурного, но и как политического феномена [31]. Что существенно, исследование впервые за многие годы использует обширную теоретическую базу (социальный конструктивизм Фуко) для обоснования действий, направленных на консолидацию европейской идеи. Более того, вновь возрождается роль единого исторического прошлого, возрождение интереса к которому показывают и опросы «Евробарометра», а также подчеркивается роль образования.

Заключение

Если идентичность консолидирована, то отдельным элементам структуры ЕС легче справиться с кризисом и больше вероятность, что отдельные акторы структуры будут активнее работать над преодолением кризиса. Более того, в этой консолидированной идентичности значительная роль отводится именно материальной составляющей. Для современного Европейского союза, как показал анализ результатов опроса «Евробарометра», нематериальные ценности все еще играют значительную роль на уровне наднациональном. Однако люди больше тяготеют к реальному воплощению ценностей ЕС. В первую очередь на фоне сложившегося кризиса большинство граждан ЕС все больше стремятся к использованию «материальной» составляющей «валютно-пограничной» идентичности и отходу от размытых идей и ценностей. Граждане ЕС желают чувствовать себя защищенными материально и физически. Но также они хотят продолжать использовать свои права и свободы на перемещение, на труд, на образование в других странах ЕС. Именно это делает привлекательным Европейский союз. В то же время такие составляющие

идентичности, как культура и история, вновь находят признание в сердцах европейцев, особенно на фоне потери доверия к евро. Однако необходимо поддерживать баланс и активно развивать «материальную» составляющую идентичности, чтобы существующие ценности ЕС продолжали носить интегративную, а не дезинтегративную функцию.

Ссылки:

1. Börzel T.A., Risse T. From the euro to the Schengen crises: European integration theories, politicization, and identity politics // *Journal of European Public Policy*. 2018. Vol. 25, no. 1. P. 83–108.
2. La Barbera F., Capone V. Five Dimensions of European Identity: A Contribution to the Italian Adaptation and Validation of the In-Group Identification Scale // *Europe's Journal of Psychology*. 2016. Vol. 12, no. 2. P. 288–303.
3. Verhaegen S., Hooghe M. Does more knowledge about the European Union lead to a stronger European identity? A comparative analysis among adolescents in 21 European member states // *Innovation: The European Journal of Social Science Research*. 2015. Vol. 28, no. 2. P. 127–146.
4. Вайнштейн Г.И. Европейская идентичность: желаемое и реальное // *Полис. Политические исследования*. 2009. № 4. С. 123–134.
5. Фадеева Л.А. Проблема идентичности в сравнительной политологии // *Там же*. 2011. № 1. С. 134–139.
6. Еремина Н.В., Борисовская Ю.А. Кризис европейской идентичности и BREXIT // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2017. Т. 6, № 2 (19). С. 327–330.
7. Гусев А.С. Европейская идентичность: современные российские исследования // *Известия Алтайского государственного университета*. 2013. № 4-2 (80). С. 263–267.
8. Фадеева Л.А. Указ. соч. С. 137.
9. Климова Г.С. Европейский союз и проблема формирования наднациональной идентичности // *Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности* : сб. науч. ст. Томск, 2015. С. 92–102.
10. Саломатин А.Ю. Общественное мнение как индикатор кризисных явлений в Евросоюзе // *Современная Европа*. 2017. № 3 (75). С. 115–121.
11. EU member countries in brief [Электронный ресурс] // *Europa.eu*. URL: https://europa.eu/european-union/about-eu/countries/member-countries_en (дата обращения: 05.05.2018).
12. Countries, European Union [Электронный ресурс] // *Ibid*. URL: https://europa.eu/european-union/about-eu/countries_en (дата обращения: 05.05.2018).
13. EU constitution: Where member states stand [Электронный ресурс] // *BBC news*. 2007. 25 March. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/3954327.stm> (дата обращения: 05.05.2018).
14. Migration and migrant population statistics [Электронный ресурс] // *EUROSTAT*. 2017. March. URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Migration_and_migrant_population_statistics (дата обращения: 01.05.2018).
15. Immigration in the EU [Электронный ресурс] // *Ibid*. 2015. 10 June. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/e-library/docs/infographics/immigration/migration-in-eu-infographic_en.pdf (дата обращения: 01.05.2018).
16. Попова О.В. Развитие теории политической идентичности в зарубежной и отечественной политической науке [Электронный ресурс] // *Идентичность как предмет политического анализа* / И.С. Семенов, Л.А. Фадеева, В.В. Лапкин, П.В. Панов : сб. ст. по итогам Всерос. науч.-теорет. конф. М., 2011. 299 с. URL: <http://lib.sale/sotsiologiya-politiki-knigi/porova-spbgu-razvitie-teorii-politicheskoy-37638.html> (дата обращения: 10.05.2018).
17. Климова Г.С. Указ. соч. С. 97.
18. Tajfel H. Social Psychology of Intergroup Relations // *Annual Review of Psychology*. 1982. Vol. 33, no. 1. P. 1–39.
19. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М., 1995. С. 29.
20. Eurobarometer 66. Public Opinion in the European Union. Standard Eurobarometer. September 2007. P. 28.
21. *Ibid*.
22. Eurobarometer 67. Public Opinion in the European Union, Standard Eurobarometer. November 2007. P. 64.
23. *Ibid*.
24. Standard Eurobarometer statistical analysis results. 2007–2012.
25. Standard Eurobarometer statistical analysis results. 2003–2011.
26. Standard Eurobarometer statistical analysis results. 2012–2017.
27. Eurobarometer 60. Public Opinion in the European Union, Standard Eurobarometer. February 2004. P. 33.
28. *Ibid*.
29. Eurobarometer 78. Citizenship. Report. Public Opinion in the European Union, Standard Eurobarometer. Autumn 2012. P. 10.
30. *Ibid*.
31. Prutsch M.J. Research for CULT Committee – European Identity [Электронный ресурс] / Directorate-General for Internal Policies. Policy Department for Structural and Cohesion Policies. Brussels, 2017. P. 36. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/585921/IPOL_STU\(2017\)585921_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/585921/IPOL_STU(2017)585921_EN.pdf) (дата обращения: 30.05.2018).

References:

- Börzel, TA & Risse, T 2018, 'From the euro to the Schengen crises: European integration theories, politicization, and identity politics', *Journal of European Public Policy*, Vol. 25, No. 1, pp. 83–108. <https://doi.org/10.1080/13501763.2017.1310281>.
- 'Countries, European Union' 2018, *Europa.eu*, viewed 05 May 2018, <https://europa.eu/european-union/about-eu/countries_en>.
- Eremina, NV & Borisovskaya, YuA 2017, 'The crisis of European identity and BREXIT', *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravleniye*, Vol. 6, No. 2 (19), pp. 327-330, (in Russian).
- 'EU constitution: Where member states stand' 2007, *BBC news*, 25 March, viewed 05 May 2018, <<http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/3954327.stm>>.
- 'EU member countries in brief' 2018, *Europa.eu*, viewed 05 May 2018, <https://europa.eu/european-union/about-eu/countries/member-countries_en>.
- Eurobarometer 60. Public Opinion in the European Union, Standard Eurobarometer* 2004, February, p. 33.
- Eurobarometer 66. Public Opinion in the European Union. Standard Eurobarometer* 2007, September, p. 28.

- Eurobarometer 67. Public Opinion in the European Union, Standard Eurobarometer 2007*, November, p. 64.
- Eurobarometer 78. Citizenship. Report. Public Opinion in the European Union, Standard Eurobarometer 2012*, Autumn, p. 10.
- Fadeeva, LA 2011, 'The problem of identity in comparative political science', *Polis. Politicheskiye issledovaniya*, No. 1, pp. 134-139, (in Russian).
- Gusev, AS 2013, 'European identity: contemporary Russian researches', *Izvestiya of Altai State University*, No. 4-2 (80), pp. 263-267. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2013\)4.2-51](https://doi.org/10.14258/izvasu(2013)4.2-51).
- 'Immigration in the EU' 2015, *EUROSTAT*, 10 June, viewed 01 May 2018, <https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/e-library/docs/infographics/immigration/migration-in-eu-infographic_en.pdf>.
- Klimova, GS 2015, 'The European Union and the problem of the supranational identity development', *Che lovek v menyayushchemsya mire. Problemy identichnosti i sotsial'noy adaptatsii v istorii i sovremennosti: sb. nauch. st.*, Tomsk, pp. 92-102, (in Russian).
- La Barbera, F & Capone, V 2016, 'Five Dimensions of European Identity: A Contribution to the Italian Adaptation and Validation of the In-Group Identification Scale', *Europe's Journal of Psychology*, Vol. 12, No. 2, pp. 288-303. <https://doi.org/10.5964/ejop.v12i2.1058>.
- 'Migration and migrant population statistics' 2017, *EUROSTAT*, March, viewed 01 May 2018, <http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Migration_and_migrant_population_statistics>.
- Olson, M 1995, *The logic of collective action. Public goods and the theory of groups*, Moscow, p. 29, (in Russian).
- Popova, OV, Semenenko, IS, Fadeeva, LA, Lapkin, VV & Panov, PV 2011, 'The development of the theory of political identity in international and domestic political science', *Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza: sb. st. po itogam vseros. nauch.-teoret. konf.*, Moscow, 299 p., viewed 10 May 2018, <<http://lib.sale/sotsiologiya-politiki-knigi/popova-spbgu-razvitie-teorii-politicheskoy-37638.html>>, (in Russian).
- Prutsch, MJ 2017, *Research for CULT Committee – European Identity*, Directorate-General for Internal Policies. Policy Department for Structural and Cohesion Policies, Brussels, p. 36, viewed 30 May 2018, <[http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/585921/IPOL_STU\(2017\)585921_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/585921/IPOL_STU(2017)585921_EN.pdf)>.
- Salomatin, AYU 2017, 'Public opinion as an indicator of crisis phenomena in the European Union', *Sovremennaya Evropa*, No. 3 (75), pp. 115-121, (in Russian).
- Standard Eurobarometer statistical analysis results 2003–2011.*
- Standard Eurobarometer statistical analysis results 2007–2012.*
- Standard Eurobarometer statistical analysis results 2012–2017.*
- Tajfel, H 1982, 'Social Psychology of Intergroup Relations', *Annual Review of Psychology*, Vol. 33, no. 1, pp. 1–39. <https://doi.org/10.1146/annurev.ps.33.020182.000245>.
- Vainshtein, GI 2009, 'European identity: the desired and the real', *Polis. Politicheskiye issledovaniya*, No. 4, pp. 123-134, (in Russian).
- Verhaegen, S & Hooghe, M 2015, 'Does more knowledge about the European Union lead to a stronger European identity? A comparative analysis among adolescents in 21 European member states', *Innovation: The European Journal of Social Science Research*, Vol. 28, No. 2, pp. 127–146. <https://doi.org/10.1080/13511610.2014.1000836>.